

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.006
УДК 811.161.1'373.611 + 811.161.1'276.2

М. В. Ахметова
Московская высшая школа социальных
и экономических наук
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
Москва, Россия

«МАРГИНАЛЬНЫЕ» КАТОЙКОНИМЫ: ОТ ОККАЗИОНАЛЬНОГО К СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ*

В статье рассматриваются русские катойконимы (названия жителей населенных пунктов), находящиеся на периферии узуса. Такие номинации либо порождаются спонтанно, с помощью продуктивных формантов, либо создаются по моделям, нетипичным для катойконимов, с использованием языковой игры (во многом это определяется намерениями номинатора). Наряду с окказиональными катойконимами, возникновение которых обусловлено незнанием принятого в речевой традиции варианта, можно выделить систематически используемые номинации: 1) шуточные катойконимы, употребляющиеся как в составе шуток и анекдотов (например, *криворожица* 'жительница Кривого Рога'), так и в целях комической номинации (например, *яйцы* 'жители пгт Яя'); 2) экспрессивные катойконимы, использующиеся как для «внешнего» именованя, так и для самоименования (например, *москвачи* 'жители Москвы' или *пензюки* 'жители Пензы'); 3) катойконимы, позиционируемые как альтернативные по отношению к уже существующим в узусе вариантам (например, *тамбовяне* 'жители Тамбова' вместо *тамбовцы*, *тамбовчане*). При этом одни и те же названия в зависимости от речевой ситуации и интенций номинатора могут быть и спонтанно порожденными окказионализмами, и пародийными номинациями; установление природы таких названий возможно лишь с учетом контекста.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-00068 «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Ключевые слова: русский язык, катойконимы ограниченного употребления, механизмы номинации, окказионализмы, языковая игра, узус, словообразование.

Модели создания катойконимов весьма многообразны: для этого в русском языке задействовано не менее 65 суффиксов [Л 2000, 9]. Это обстоятельство, с одной стороны, и неполная освоенность данного пласта лексики всеми носителями языка, с другой, зачастую приводят к порождению форм, не употребительных не только в конкретном населенном пункте, но и (систематически) за его пределами. Если рассматривать такие номинации в аспекте триады «система — норма — узус» [см., например: Крысин, 2007], то они в большинстве своем не противоречат словообразовательной системе, но чужды узусу (и норме). Наряду с этим существуют лексемы, которые заведомо созданы по моделям, не свойственным для катойконимов, и лишь «мимикрируют» под них. В обоих случаях интенции говорящего / пишущего варьируют от чисто номинативных до игровых, при этом собственно номинативная функция названий зачастую не является приоритетной (в любом случае она не единственна).

Предмет настоящей статьи — катойконимы, которые находятся на периферии узуса. В данном случае отсутствие названия в словарях топонимических дериватов само по себе еще не является критерием маргинальности, катойконим может быть зафиксирован в словаре, но далеко не всегда используется в локальном либо региональном узусе и даже может расцениваться местными жителями как ошибочная номинация. Таким образом, речь пойдет о катойконимах, употребление которых ограничено стилистически, социально либо контекстуально.

1. Между окказионализмом, ошибкой и пародией

Разумеется, прежде всего мы имеем дело с употреблением окказионализмов, обусловленным тем, что говорящий / пишущий не знает, как принято называть жителей населенного пункта. Зачастую такие названия формулируются как предположительные, в том числе появляясь в составе вопросительных высказываний. Говорящий при этом может использовать известные ему модели, по которым (в его представлении) образуются названия жителей, а может переосмысливать основу топонима вполне в духе народной этимологии (в цитатах ниже такие названия выделены курсивом).

Как правильно назвать жителей той или иной местности? Саратов — саратовец или саратовчанин, Пенза — пензенец или пензенчанин, Калуга — калужанин или калужинец, Омск — омич или омчанин и др.? (письмо в газету «Саратов», 29.01.2000)¹.

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, примеры из газет цитируются по электронной базе СМИ «Интегрум» (орфография источника сохранена), примеры из художественной литературы и публицистики — по данным сервиса Google.Books. После примеров из интернета указывается название ресурса, в угловых скобках — место жительства автора (если оно релевантно и установимо) и год записи.

Довольно часто испытываешь затруднения, когда надо назвать жителей того или иного города одним словом. <...> А как, например, называть жителей поселка Полуночное: *полуночники* или *полуноченцы*? Существуют ли какие-то правила, которые позволяют сделать правильный выбор? («Уральский рабочий» (Екатеринбург), 16.08.2014).

Конечно, осознавать себя коренным обитателем <...> какого-нибудь Нового пункта, наверное, приятнее, чем аборигеном Соплякова <...> или Перехляя. Но с сопляковцами и перехляйцами хотя бы в именовании заминок нет. А новопунктовцы как? Начнешь говорить и собьешься. Новопунктяне? *Новопунктиры*? («Кузнецкий край» (Кемерово), 05.04.2001).

А как называются жители города Королев? *Королевы* и *королевицы*? (Livejournal.com — далее LJ, 2009).

Кроме того, катойконимы могут конструироваться искусственно в полемическом контексте, например с целью доказать нерелевантность той или иной словообразовательной модели. Фактически речь идет об использовании форманта, в силу разного рода причин не сочетающегося, по мнению номинатора, с основной топонимом. Так, славянофил К. С. Аксаков еще в 1846 г. писал о принципиальной невозможности образовать подходящие названия жителей Петербурга, поскольку слово, оканчивающееся на *-бург*, «сохраняет весь свой иностранный характер», а сам этот формант «чужд» и «противен» русскому уху:

Петербуржанин — все засмеются. *Петербуржак* — еще смешнее. *Петербургец* или *Петербуржец*, как употребляют, — точно так же чуждо и неловко, особенно в женском: *Петербурка* или *Петербуржка*. *Петербуржич* тоже смешно. Что делать? как-то совестно к имени иностранному прибавить Русское окончание. Нет, видно, как ни бейся, а от иностранного имени не получишь Русского окончания [Аксаков, 1875, 405].

В середине XX в. в рамках дискуссии о названиях жителей на *-чане*, развернувшейся в отечественной печати, противники таких названий, видевшие в них проявление порчи языка, зачастую порождали по аналогии нарочито неблагозвучные (как им представлялось) номинации, например: «По этому стандарту надо уж писать и говорить: “москвачане”, “пензачане”, “саратовчане”, “благовещенскчане”... все это звучит малограмотно» [Гладков, 1953, 233].

Схожая стратегия лежит в основе стандартных реплик, служащих (прежде всего в сетевом общении) ответом на употребление названия, отвергаемого локальным сообществом либо его частью. Речь идет о создании в рамках той же модели, по которой образовано и употребленное название, пародийного катойконима от названия города, где живет автор высказывания (либо принадлежность к данному городу ему приписывается). Чаще всего такие пародийные названия образуются от *Москвы* как обобщенного символа «чужого»:

а) *московцы*: «Такие же кемеровцы, как и москвичи... КЕМЕРОВЧАНЕ!!!» (Intoclassics.net <Красноярск>, 2010); «А кто-нибудь пробовал москвичей называть московцами??? Наверное, как минимум помидор полетел <бы> на сцену... объясните, почему нас начали называть орловцами, а не ОРЛОВЧАНАМИ» (Infoorel.ru <Орел>, 2010; комментарий к ссылке на статью из орловской (!) газеты «Орловцев ждут “Хлебосольные выходные”»); «Пусть сначала москвичи станут московцами, а тогда, так уж и быть, мы смиримся с “тамбовцами”» (Transphoto.ru, 2011);

б) *московчане*: «Муромчане это все равно что московчане, мы МУРОМЦЫ!!» (Smallcar.ru <Муром>, 2007);

в) *москвичане*: «Не иркутчане, а иркутяне! Блин, москвичане...» (LJ, 2006); «Непутевый москвичанин» («Литературная газета», 05.11.2014; критическая заметка о посвященной Пскову передаче «Непутевые заметки», в которой прозвучало слово *псковичане*); «Мы — костромичи, а не костромчане. Задолбали нас уже обзывать, москвичане, блин» («Экспресс-газета Online» (Eg.online.ru), комментарий к новостному сообщению, 2005); «Нет такого слова “серпуховчанин”. Так (неправильно употребляя суффикс) жителей города Серпухова часто называют москвичане» (Forum.glazey.info <Серпухов>, 2012) и т. д.

Ср. также фрагмент из моей полевой записи: «...Какой-то столичный интеллигент приехал и, стоя на эстраде перед тверской публикой, значит: “Ой, даже не знаю, как к вам обратиться, *тверичане*, наверное”. А я говорю: “Да, москвичанин ты наш”» (мужчина, 1947 г. р., журналист; записано в 2014 г. в Твери).

Наконец, названия жителей могут подвергаться видоизменению под воздействием прототипических катойконимов, часто с аллюзией на прецедентные тексты: «Тамбов и *тамбвичи*» (заголовок сайта Otambove.ru; ср. «Москва и москвичи»); «Дорогие мои *иркутчи*» (статья в газете «Иркутский репортер», 23.07.2011; ср. «Дорогие мои москвичи») и др.

Если не брать в расчет заведомо пародийные образования, уместно задаться вопросом о речевой ошибке. Однако в случае с катойконимами данная проблема весьма неоднозначна.

Например, жители Нижнего Новгорода как минимум с XVII в. (по данным словарей названий жителей) называются *нижегородцами*, а название *нижне-новгородцы* приводится в литературе как своего рода пример «отрицательного языкового материала» (по терминологии Л. В. Щербы)². Разумеется, именование

² Например: «Когда нынешний Горький именовался Нижним Новгородом, его жители именовались не нижненовгородцами, а сокращенно — нижегородцами» [Успенский, 1971, 360]; «...от *Нижний Новгород* ожидалось бы *нижненовгородец* и *нижненовгородский*, реально не употребляемые» [Трубачев, 1994, 137].

(хотя и нечастое) жителей Нижнего Новгорода *нижненовгородцами* в современных газетах³ можно списать на пресловутую малограмотность журналистов, однако эта номинация обнаруживается как минимум с начала XIX в.⁴, не говоря уже о прилагательном *нижненовгородский*, конкурирующем (хотя и со значительным отрывом) с *нижегородский*. Поиск в сервисе Google.Books обнаруживает около 200 документов XIX–XXI вв., в которых употреблено данное прилагательное в двух вариантах написания (*нижненовгородский* и *нижне-новгородский*); самый первый — «История Российского государства» И. М. Стриттера (1800), где упоминается *Нижне-Новгородское княжество*. В то же время название жителей Омска *омчане*, также не слишком частотное по сравнению с *омичи*, описывается как «полноправный» вариант [ср., например: Граудина и др., 1976, 293] — очевидно, благодаря тому, что оно (в отличие от *нижненовгородцев*) зафиксировано в словарях. Между тем для жителей Омска (и, видимо, как минимум Западной Сибири) *омчанин* — такой же «отрицательный языковой материал», как для жителей Нижнего Новгорода — *нижненовгородец*.

Следует отметить, что зачастую грань между «речевой ошибкой», окказиональным словоупотреблением, сознательным словотворчеством и реальным узусом оказывается довольно зыбкой. Так, некоторые из катойконимов, конструировавшихся в контексте полемики о названиях на *-чане* как примеры «несуществующих» (*саратовчане*, *тамбовчане*, *куйбышевчане*, *хабаровчане* и др. [см.: Ахметова, 2013]), нашли отражение в словарях названий жителей 1964 и 1975 гг., а первые два к концу XX в. уже безусловно доминировали в локальном узусе.

Кроме того, подобного рода окказионализмы могут совпадать с устаревшими, иноязычными или индивидуально-авторскими названиями жителей. Например, упоминавшиеся *московцы* систематически употреблялись в источниках XIX в. [см. примеры в: БЛ 1975], в том числе для обозначения служивших в Лейб-гвардии Московского полка, а название *москвичане* могло представляться вполне адекватным носителям украинского языка в начале XX в. (ср.: «...Подолія — Подoliaки, отъ Подгорья — Подгорьяне, от Москвы — Москвичане <...> тая назва есть лишь локальная — мѣстцевая, но общая наша назва есть: Русины или Русскіи» [Борух,

³ Некоторые примеры: «...нижненовгородцы ратуют за то, чтобы отсрочить время вступления в силу Федерального Закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» («Забайкальский рабочий» (Чита), 07.06.2005); «...все призывные места завоевали нижненовгородцы» («Курская правда», 25.07.2001); «...в составе нижненовгородцев также выступали воспитанники ставропольского футбола» («Пятигорская правда», 06.11.2002); «...нижненовгородцы отправили украинским коллегам семь автомашин» («Зеркало недели» (Киев), 03.10.1998); «Нижненовгородцы разработали специальную маркировку, которая наносится на произведения искусства и свидетельствует об их оригинальности» («Новый век» (Москва), 23.09.2000). В журнальной летописи 1930 г. упомянута статья Л. Чер «Сбор инициативы масс (Наш ответ нижненовгородцам)» («Просвещение на Урале», октябрь 1930 г., № 10, с. 23–25).

⁴ Например: «Мордовцы, приняв сторону нового Лжедмитрия, ходили воевать Нижний Новгород, но были прогнаны верными Нижне-Новгородцами» [Березнеговский, 1913, 32].

1913, 12]). Анонимный противник названий на *-анин* (*-янин*) в свое время опасался, что «того и гляди появятся владивостокчане или, чего доброго, чебоксаряне» [Б. З., 1957, 297], в то время как последнее название в качестве обозначения жителей Чебоксар и Чебоксарского уезда использовалось с XVII в. (например, в документе, касающемся сбора даточных людей 1678–1681 гг., упомянуты *помещики Чебоксаряны* [ДАИ, 8, 130]).

Приведу пример, когда одна и та же номинация (систематически порождаемый окказионализм) появляется в разных ситуациях. Название жительницы Петербурга *петербуржица* — мнимая пара к *петербуржцу*, образование которой диктуется распространенной, но не характерной для катойконимов моделью, когда при названиях в мужском роде на *-ец* в женском роде образуется название на *-ица* (типа *красавец* — *красавица*)⁵.

Фиксация номинации *петербуржица* словарями — случайность, обусловленная тем, что ее однажды употребил А. П. Чехов («Впрочем, Вы петербуржица, Вы не согласитесь со мной ни в чем — уж такова моя судьба» — письмо Л. А. Авиловой, 1899). Интересно, что лексикографы затруднялись с ее стилистической оценкой: так, в [Б 1964] она дана с пометой «шутливое (?)», в [БЛ 1975] — без помет; в последующие словари, составлявшиеся как нормативные, она не включалась.

Не очень ясно, каковы были интенции Чехова, в любом случае это вообще единственный случай употребления им названия жительницы Петербурга. Что касается современных авторов, их интенции могут быть различными, ср.:

Я коренная петербуржица, всю жизнь работаю учителем. Мне уже больше года причиняют неприятности и боль семья приезжих с Кавказа... (Jesuschrist.ru, 2011);

А как называется жительница Санкт-Петербурга? санкт-петербуржица? петроградорша? петроградица? (Musicforums.ru, 2011).

В первом случае сам контекст и место записи (христианский форум, участница которого просит молитвенной помощи в сложной жизненной ситуации) говорят о нейтральном употреблении номинации, которая может оцениваться как «речевая ошибка». Во втором контексте соседство с заведомо несуществующими образованиями свидетельствует о пародийном словотворчестве; игровое начало здесь обусловлено, вероятно, тем, что номинатор интуитивно ощущал нерелевантность соответствующего названия. В ряде случаев можно говорить о систематическом и целенаправленном употреблении пародийных номинаций в определенных контекстах или речевых ситуациях (см. ниже о шуточных и экспрессивных катойконимах).

⁵ Ср. другие ненормативные образования такого рода, встречающиеся в текстах XIX–XXI вв.: *старообрядица*, *комсомолица*.

2. Шуточные катойконимы

Шуточные катойконимы образуются непосредственно от топонима либо с присвоением «чужого» форманта, либо путем «мимикрии» под релевантную словообразовательную модель. Вне нашего внимания остаются номинации, образованные от пародийных топонимов (типа *семипроклятинцы* от *Семипроклятинск* ‘Семипалатинск’), а также многочисленные названия, варьирующие основу топонима (типа *новоржак*, *новоржачка* вместо *новоржевы*, *новоржевец* < *Новоржев*⁶, *обнищане* вместо *обнинчане* < *Обнинск*, *сволочане* вместо *славутчане* < *Славутич* (Украина), *черниговняне* вместо *черниговчане* < *Чернигов* (Украина) и др.).

Некоторые названия такого рода существуют прежде всего в рамках разного рода комических речевых жанров, в которых объектом шутки становится сам способ создания номинации. Это, во-первых, преимущественно шуточные утверждения о том, что житель(ница) населенного пункта называется определенным образом; во-вторых, анекдоты и анекдотоподобные тексты с сюжетом «смешного (само)именования». Приведу несколько примеров.

Довольно частотным является образование названий жителей с использованием языковой игры; номинация получает коннотации уродства или распутства, создающие комический эффект, который усиливается гендерным контекстом.

1. Для именования жительницы Кривого Рога образуется катойконим *криворожица* (вместо *криворожанка*) — гипотетическая пара к названию *криворожец*. Многие пользователи интернета возводят это название к юмореске Михаила Задорнова или к шутке из телепередачи «Клуб веселых и находчивых». Каков бы ни был источник, зачастую шутки по поводу *криворожицы* порождаются независимо от прецедентного текста (если он существовал).

Чё-то вспомнил идиотскую шутку времён перестройки, когда начали проводить конкурсы красоты. «Мисс криворожица» (LJ, 2015);

Вспомнился анекдот в тему: В городе Кривой Рог прошел конкурс красоты «Мисс Криворожица» (LJ, 2007);

В городе Кривой Рог состоялся конкурс красоты. «Мисс Криворожица» получила в подарок польский косметический набор «Урода» («Экспресс-К» (Астана), 11.08.2006);

Мисс Криворожица: Зеркало, ты что, кривое?

Зеркало: Это ты — криворожица!

Мисс Криворожица: Да, я мисс Криворожица! (Litkonkurs.com, автор Юрий Тубольцев, 2006);

⁶ Эти номинации включены в словарь псковского сленга наряду с такими, как *плюс*, *плюсовой* и *плюсовый*, *плюсики*, *плюсики* < *Плюсса* и др. [Никитина, Рогалева, 2006]. Отмечу, что ни одна из них не получила подтверждения при поиске по блогам; причина неясна: либо их окказиональность, либо слабая развитость блогосферы в Псковской области.

Вывеска в городе Кривой Рог в советские времена: «Салон красоты “Красная криворожица”» (Anecdots.su, 2008).

2. Для жителей города Карасук Новосибирской области словари приводят названия *карасуцкы* и *карасучане*, *карасучанин*, *карасучанка*; для жителей города Кара-Суу (Киргизия) — *карасуцкы*, *карасуец*, название в женском роде не фиксируется. Шуточным названием жительницы обоих городов является *карасучка*. В отношении Карасука высказывания о соответствующем названии жительницы чаще всего оформляются в виде шутки, просто констатирующей его наличие:

У нас про Карасук местечковая шутка бытует: «Дорогие карасуцкы и карасучки!» (Sovietguitars.com <Новосибирск>, 2010);

Есть такой город в области, Карасук (кстати, я там родился и прожил первые 5 лет жизни), так они шутя говорят, Карасучане и Карасучки (Pogranec.ru <Новосибирск>, 2012), —

либо в виде байки о том, как обращение *карасучки* было употреблено в публичной речи или написано на лозунге:

[О Д. С. Полянском, первом секретаре Карасукского райкома в 1942–1945 гг.]: Ветераны-партийцы рассказывают, что по торжественным случаям Дмитрий Степанович любил начинать выступление со слов: «Дорогие карасучане и карасучки!» (сайт «Алтайские новости» (Ar.altairregion.ru), 08.02.2007);

В городе Карасуке в самом начале 70-х проходил митинг в честь дня Победы! (Тогда только начали недавно отмечать день Победы, и демонстраций не было, а проводили митинг.) Так вот, на трибуне районное начальство, передовики и т. д. Выступают по старшинству! Дошла очередь до очередного оратора, а он уже под шаффе. Ну и выдал примерно так: «Дорогие карасучане и КАРАСУЧКИ!!!» Народ на площади упал!!! (социальная сеть «Одноклассники» <с. Хорошее Новосибирской обл.>, 2014);

В Новосибирской области есть город Карасук. И к какой-то годовщине чего-то там (в советские времена дело было) там на одном из зданий висел лозунг, начинавшийся со слов «Карасучане и карасучки...» (Speaktus.ru, 2003).

В то же время аналогичное название жительницы Кара-Суу приводится в анекдотах с диалогическим сюжетом, где *карасучка* является репликой на *москвичку*, например:

Из города Кара-Суу едет одна девушка в Москву. Полицейский у девушки спрашивает: «Вы москвичка?» И на это девушка отвечает так: «Нет, карасучка» (социальная сеть «ВКонтакте», группа «One Million Kyrgyz Stories», 2014)⁷.

⁷ По всей вероятности, эти анекдоты, помимо комического сходства с *сучкой*, обыгрывают также владение русскими словообразовательными нормами представителями титульного населения Киргизии. Однако интересно, что, за исключением ключевых фраз, они могут бытовать и на киргизском языке, ср.: «Казахстанда кастинг болот анан Россиядан, Кыргызстандан кыз барат, россиядан келген кыз: меня зовут Лена, я из Москвы, я москвичка десе. Кыргыз кыз: меня зовут Гульчатай, я из Кара-Суу, я карасучка дептир» <В Казахстане проходит кастинг, куда приехали

Парой к *карасучанину* также должна быть *карасучанка*, а не *карасучка*, при этом катойконим внешне сходен с рядом подобных названий — ср. *москвичка*, *тулячка*, *омичка* и др. Что же касается названия *криворожица* — оно аналогично описанной выше *петербуржице*.

Шуточные номинации могут использоваться в различных специфических речевых ситуациях. Это, например, относится к именованию жителей пос. Яя (Кемеровская обл.) *яйцы*, возможному с точки зрения словообразования (ср. отмечаемые словарями *нейцы* от *Нея* и *верейцы* от *Верей*), но не употребительному виду омонимии. Здесь выделяются:

а) шутки, констатирующие такое якобы существующее название: «А еще в Кемеровской области есть ЯЙЦЫ — жители ЯИ» (LJ <Кемерово>, 2008);

б) анекдоты о якобы имевшем место факте «смешного именованья» в публичной речи:

В Кемеровской области есть река «Яя» и одноименный поселок. В застойные времена на одной Первомайской демонстрации представитель горкома произнес приветственную речь трудящимся, начинающуюся со слов «Дорогие товарищи Яйцы!» и долго не мог понять, почему народ хохочет (Anekdot.ru, 1998);

Название «Яя» так и провоцирует назвать местных жителей «яйцами». Говорят, был прецедент в 70-е годы, на каком-то партийном собрании: «Дорогие яйцы!» и т. д. («Беловский вестник» (Белово Кемеровской обл.), 11.10.2013);

Я знал про Яя и потому не очень сильно смеялся, когда на вопрос «А вы что, родом из Яи?» он ответил, дурашливо копируя немца: «Я! Я! Натюрлих», — а после рассказал старый анекдот про партработника, начавшего свое выступление на демонстрации со слов: «Дорогие товарищи яйцы!» («Автопилот», 15.12.2005);

Есть в Кемеровской области замечательный поселок Яя. И как-то в стародавние времена диктор местного телевидения, комментируя спартакиаду сельских районов, воскликнул — ЯЙЦЫ — МОЛОДЦЫ! (Yaplakal.com, 2015);

в) формула *яйцы* — *молодцы*, которая также может использоваться в качестве лозунга или «кричалки» (впрочем, неясно, какого рода действительность отражают цитируемые ниже тексты — реальную или, опять же, анекдотическую):

Один раз проходил КВН между командами города Яя и города Юрга. В зале реяли лозунги — «Яйцы — молодцы!» (LJ, 2004);

Про Яю я знаю (ой). Когда какой-нибудь футбол идет или Веселые старты, трибуны скандируют: «Яйцы — маладцы» (LJ <Екатеринбург>, 2004).

Названия, закрепленные за определенными текстами (жанрами), используются также для именованья жителей извне или для самоименования (ироничного

девушки из России и Кыргызстана. Девушка из России говорит: «Меня зовут Лена, я из Москвы, я москвичка». Девушка-киргизка: «Меня зовут Гульчатай, я из Кара-Суу, я карасучка» (Super.kg <Киргизия>, 2014; благодарю Т. Г. Басангову (Борджанову) за помощь в переводе).

или экспрессивного), при этом «внешнее» именование, скорее всего, первично. В этом аспекте они сближаются с диалектными коллективными прозвищами, которые мотивированы сходством топонима с какой-либо лексемой, ср. *пьяницы* (д. Пьяново Кемеровской обл.), *золотари* (пос. Золотаревский Кемеровской обл.), *кадочники* (пос. Кадуй Вологодской губ.) и др. [Воронцова, 2011, 133]. Например, название *яйцы* используется в Кемеровской области и для обычного именования жителей Яи, о чем свидетельствуют данные диалектологов и современные записи в интернете. Исследователями, занимавшимися сбором наименований жителей Кемеровской области, для р. п. Яя (ранее Шигарка) было зафиксировано (наряду с субстантивированным прилагательным *яйские*, официальным *яйчане* и устаревшим *шигарские*) экспрессивное *яйцы*, которое, судя по примеру из речи информанта, могло использоваться в качестве дразнилки: «Яйских-то иногда яйца зовем, но это в насмешку уж. Эй, яйца, еще не вылупились, а уже задираетесь!» [Гордеева, 1989, 64]. Ср. также комментарии к новостному сообщению «Жители пгт Яя просят Губернатора сохранить ж/д вокзал» (ИА «Город новостей» (Кемеровская обл.), 13.11.2012): «Яйцы умные»; «Поддерживаю яйцев»; «Зачем яйцам вокзал?».

3. Экспрессивные катойконимы

Отдельную группу составляют шуточные катойконимы, использующиеся по преимуществу для экспрессивного (само)именования.

Например, в качестве презрительного именования москвичей функционируют уже упоминавшиеся образования *москвичане* и *московчане*, см. в частности: «...Московчане совсем обнаглели — Московская область уже аж до Тюмени простирается» (форум Nashgorod.ru (Тюмень), 2009).

В случае с *москвичанами* вероятно не только «присвоение» «чужого» форманта (ср. *тверичане* от *Тверь*, *псковичане* от *Псков*), но и своего рода вторичное образование названия жителей — не от топонима, а уже от катойконима (в данном случае от *москвич*). В качестве других примеров «вторичных» катойконимов, являющихся сниженными аналогами «первичных», можно назвать использующиеся в интернете *иркутянцы* < *иркутяне*, *москвичанцы* < *москвичи*, *ростовчанцы* < *ростовчане* и некоторые другие. При явном наличии прецедентной модели *россиянцы* < *россияне* сам по себе механизм варьирования форманта в современном языке, судя по всему, обладает снижающим потенциалом, по крайней мере для определенного рода лексики (о номинациях *россиянцы* и *российцы* см. [Грищенко, 2012, 125–126]).

Рассмотрим три случая трансформации форманта, которые интересны колебанием семантики, обусловленным тем, идет ли речь о внешнем именовании или о самоименовании.

Москвичи (москвач, москвачка). Формант *-ач*, с одной стороны, отмечается у некоторых диалектных катойконимов: *симач* (г. Сим Челябинской обл.), *леткач*

(с. Летки, Мордовия) [Левашов, 1968, 50]; с другой стороны, зачастую служит для образования оценочных разговорных номинаций (ср. *стукач*, *рифмач*, *фирмач*, *хохмач* и др.). Не исключено и то, что трансформация *москвич* > *москвач* происходит благодаря тому, что в некоторых формах «чередующаяся» гласная является безударной, а сама эта трансформация обусловлена представлением о «неправильной» чужой речи.

Название *москвач* появилось в первой половине XX в. как речевая маска некоренного москвича или приезжего⁸. Именно в этом значении оно появляется у Демьяна Бедного («Кто кого», 1922):

Приветствовал нэпача нэпач
(Был раньше служащим Глав-утопа):
— И вы тоже в Москву из Конотопа?!
— И я, хе-хе, теперь тоже... москвач!
Два «москвача» сразу затараторили...

Позднее (само)название *москвач*, *москвачка* появляется в текстах как элемент диалектной (провинциальной) речи:

[Диалог деревенского мальчика и москвички]

Он спросил: «Ты москвачка?» Я ему ответила: «Москвачка. А что?» (И. Г. Лазутин, «Крылья и цепи», 1979);

Лимита в Москве ментами работает и обирает таджиков и пьяных, гордо называя себя: «Я москвач!» (Махpark.com (Волков Виктор), 2012);

Как-то раз на Сахалине повариха из отряда горноспасателей позвала перекусить: «Эй, москвачи, идите борщ есть!» В тарелках <...> никакого присутствия свеклы, определяющей для меня понятие борща, не наблюдалось. «Это же щи!» — «Сам ты — щи! Москвач, одно слово!» («Вечерняя Москва», 17.07.2000);

Хочу в детство <...>, когда я могла поехать на Украину, и все там бывали рады маленькой «москвачке» («Комсомольская правда», 08.04.2014; статья Ульяны Ской-беды).

В то же время номинация *москвачи* используется для именования некоренных жителей Москвы. Так, эмигрант Б. Н. Ширяев, покинувший Россию в 1942 г., в очерке 1953 г., написанном на основе впечатлений, полученных при посещении Москвы в начале 1940-х гг., противопоставляет «старых москвичей» «москвачам», которым чужда и старомосковская традиция, и, что немаловажно, московская речь:

⁸ Неясно, отражает ли это реальную речевую практику первой половины XX в. или мы имеем дело с имитацией. Показательно, впрочем, что исторически форма *москвачи* фиксируется в старобелорусских документах в значении ‘жители Московского государства’, ср. в Баркулабовской летописи (конец XVI — XVII в.): «...одны москвачи признавали его <Шуйского> царем быти» [ПСРЛ 32, 192].

В дореволюционной Москве было около полутора миллионов жителей. Это были москвичи, выпестованные той особой московской традицией, которую так глубоко чувствовал и любил Пушкин, учившийся русскому языку у московских просвирен. <...> Теперь население Москвы перевалило за четыре миллиона. Из них три с большим гаком — москвачи, напозвшие в Москву, как муравьи, со всех концов Руси, да и не только Руси, а Бог весть откуда. Московский обычай им чужд, чужда и московская акающая речь, не говоря уже о памяти (только памяти!) о московских святынях [Ширяев, 1953, 11].

В значении 'некоренной москвич' номинация сохранилась до конца XX — начала XXI в., став синонимом *лимитчика*:

А я «москвач» <...> как теперь называют приехавших на жительство в столицу (А. Ткаченко, «Чужие печали», 1988);

— Русский народ (масквичи) проголосуют за того, за кого им скажут и укажут голосовать начальники. Поэтому «победит» Собянин.

— Не москвичи, а москвачи. А они не имеют права голоса в Москве. Лимита (LJ, 2013).

Кроме того, данная номинация зачастую используется в анекдотах, в которых самоидентификация как «москвача» является маркером приезжего, а пуантом — переход персонажа на диалект либо сообщение им информации, что он некоренной москвич:

Как в анекдоте: когда подходят в г. Москве разбойники: «Ты кто?» — «Москвач» — получи в дыню, после третьего раза на заданный вопрос терпила отвечает: «Чаго уж там, того ляпи» (Forum.dwg.ru, 2013);

Могу только анекдотом ответить. «Ты откуда?» — «Я — МосквАч». — «А жена?» — «А жена тоже Вологодская» (Otvet.mail.ru, 2009).

Напротив, во внестоличном узусе *москвачи* становится презрительным именованием жителей Москвы:

А торгует Елец с самого дня своего основания. С 1146 года. Это, между прочим, важная дата. Для понимания психологии ельчан и особенно их отношения к москвичам, которых они иначе как «москвачами» не именуют, — просто принципиальная. Ведь на год раньше столицы был «город заложен» [Дорожкин, 1993, 37];

«Тоже москвач навроде тебя». Последнюю фразу Женька произнес с едва скрываемым сарказмом <...> скрыть презрение к москвичам было выше его сил (А. Холин, «Империя полураспада», 2014);

[Интервью с писателем В. Доценко]

Нигде москвичей не любят — «Москвач, вы там б... на троллейбусе имеете, а мы слаще морковки ничего не видели» («Вечерняя Москва», 06.08.1998);

Сидит в Москве какая-то москвачка <...> сосущая, как и свойственно москвачам, кровь, нервы и деньги из российских граждан (LJ <Петербург>, 2006).

Соответствующее ироничное самоименование жителей Москвы является отсылкой скорее к презрительному именованию извне, чем к представлению о «чужой неправильной речи», ср.: «Мы, москвичи, люди добрые и незлобивые <...> Нас все ненавидят, а нам глубоко пох» (LJ, 2012).

Другое название подобного рода — *пензюки* (*пензюк*, *пензючка*), варьирующее название *пензяки* (*пензяк*, *пензячка*). Формант *-юк* (*-ючка*) вообще не характерен для названий жителей, хотя и напоминает географически маркированные названия типа *пинчук* < *Пинск*, *полешук* < *Полесье* и др., но может служить для образования оценочных лексем, ср. *говнюк*, *фетюк*; *вонючка* и др.

Впервые название фиксируется в «Романе без вранья» (1927) А. Б. Мариенгофа («Милая моя Пенза! Милые мои пензюки!») наряду с формой *пензяки*: «на пензяков в Москве слава валится прямо с неба». Однако здесь мы имеем дело с цитированием: в другом автобиографическом тексте, «Роман с друзьями» (1965), *пензюком* автора называет его родственник-москвич; цитата из романа — «Да ты, пензюк, у меня нахал!» — включена в [БЛ 1975], где название *пензюк* представлено с пометой «шутливое» (в последующие словари названия жителей оно не включалось).

Если говорить о соответствующем именовании жителей Пензы извне, то зачастую оно стилистически совершенно нейтрально; судя по всему, говорящие или пишущие действительно могут считать, что в Пензе живут именно *пензюки* и *пензючки*. Ср. примеры из газет: «В Саратове и Оренбурге радость телефонного общения будет стоить девяносто рублей ежемесячно, а чебоксарцы, калужане и пензюки заплатят по восемьдесят, — сообщает агентство Интерфакс» («Газета Дона» (Ростов-на-Дону), 09.10.2002); «Тренирует пензюков Виктор Булатов, многократный чемпион страны в рядах “Спартак”» («Курский вестник», 30.04.2014); «А лучшими пенальтистами оказались пензюки — 4:2» («Тамбовский курьер», 01.09.2009); «Очаровательные пензючки равнодушны не только к регбистам, но и к регби» («Сегодняшняя газета» (Красноярск), 08.08.2002). Показателен также фрагмент интервью пензенской газеты с артистом Юрием Куклачевым:

— К сожалению, пензюки меня расстроили. Раскупили только половину билетов.
<...>

— А почему вы нас пренебрежительно называете пензюками?

— А как же нужно? Пензенцы? А я и не знал, тогда извините! («АиФ — Пенза», 16.08.2005)⁹.

⁹ Соответствующий пассаж приведен в самом конце интервью и занимает там довольно небольшое место, однако статья озаглавлена «Куклачев назвал нас пензюками». Это характерный пример особого внимания, которое локальные сообщества уделяют своему именованию.

По всей вероятности, такое «ошибочное» именование обусловлено неотчетливостью гласного в суффиксе в некоторых формах (например, *пензяки*) — еще большей, чем в случае с *москвачами*¹⁰.

В то же время названия *пензюк*, *пензючка* часто употребляются в ироничных контекстах либо прямо отсылают к соответствующей традиции шуточного именования (например, помещаясь в кавычки), ср.:

— Второй Кретов откуда?

— И того хуже, — был ответ. — Пензюком звать будете (А. З. Иващенко, «Здесь каждый день считался за три», 1984);

В Пензенской области в депутатских кабинетах ночей не спали, придумывали родимому краю флаг. <...> Руководящие пензюки <...> решили поместить на знамя Иисуса Христа («Новая газета», 16.12.2002; статья Виктора Шендеровича);

В печально известной своими наркоманскими точками деревне Ольгино на окраине Нижнего Новгорода была задержана жительница Пензенской области. <...> Теперь следствие выясняет, приехала ли «пензючка» со своим порошком или героином ее снабдили сердобольные родственники («Новое дело» (Нижний Новгород), 26.08.2004).

Можно сказать, что информация о соответствующих названиях жителей Пензы входит в фоновое знание как пример «смешного названия», которое воспринимается и как реальное, и как анекдотическое, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания в интернете: «В Пензе живут Пензюки!!! Правда-правда! ЗЫ Пензяне! не обижайтесь...» (Yaplakal.ru, 2015) и др. Не очень ясно, что является первичным: «ошибочное» именование становится шуточным благодаря экспрессивности суффикса или же частотность шуточного названия диктует его восприятие как нейтрального в непензенском узусе.

Что же касается «внутреннего» узуса, то речь также может идти как о «цитировании» чужого словоупотребления (ср., например, высказывание генерального директора ОАО «Пенздизельмаш» О. Н. Мещерякова: «Если правительство объявит тендер <...> то сразу найдутся десятки фирм и чиновников из верхних эшелонов власти, которые всеми силами будут продвигать своих “подопечных”, а о каких-то “пензюках” и не вспомнят» — «Наша Пенза», 22.09.2000), так и об ироничном самоименовании (ср. статью «Пензюк — он и в Израиле пензюк» с высказыванием: «куда бы нас, пензюков, не “послала” судьба, куда

¹⁰ Показательно, что существуют малораспространенные фамилии *Пензюк*, *Пензюков*, которые, впрочем, необязательно имеют отношение к названию жителей Пензы. Фамилия *Пензюк*, встречающаяся на Волини (например, в документе 1895 г. упомянут мещанин-еврей Герц Пензюк, высланный из с. Купичева [Лозина-Лозинский, 1902, 188]; в базе данных [Мемориал] — рядовой Пензюк Егор Павлович, украинец, 1923 г. р., род. в Любомльском р-не Волынской обл.), может иметь украинское происхождение (ср. также украинскую фамилию *Пендзюк*) или восходить к идиш *pendzl* ‘кисточка для рисования’ (благодарю за эту информацию В. А. Дымшица).

бы сами себя не завели — все у нас получается очень даже хорошо» — «Пенза-онлайн», 18.07.2009). Ср. также пример явно сниженного именованного *пензюком* в коммуникации (речь идет о диалоге политических оппонентов, депутатов Госдумы — уроженца Пензенской области, коммуниста В. И. Илюхина и единоросса И. Н. Руденского, несколько лет жившего в Пензе):

Илюхин: О каком референдуме речь идет? Я пензяк, я там родился, вырос, долго жил. <...> По сути дела, референдум был подменен сходами граждан, на которых не было даже учтено голосование, как правило.

Руденский: Уважаемый Виктор Иванович, я вас уважаю как пензюка. Просто надо бывать чаще в Пензе, и будете знать, что у вас происходит.

Корреспондент: Спор пензенцев закончился жалобой коммунистов на дискриминацию по партийной принадлежности (НТВ, «Сегодня», 09.06.2005).

И наконец, название может использоваться в качестве инвективы по отношению к жителям Пензы, каким-либо образом скомпрометировавшим себя. Например, пензенский журналист А. Литвинов, комментируя передачу «Окна» на центральном телевидении, где гости из Пензы устроили потасовку, отмечает:

Возможно, конечно, данная история была «подставой». Если же нет, хочется сказать лишь одно. Спасибо вам, дорогие пензюки (назвать вас более приятным словом не позволяет совесть, а тем, которого вы заслуживаете, — воспитание и цензура), что так «прославили» родной город («Наша Пенза», 11.12.2002).

Если название *пензюки* известно достаточно широко, то схожее с ним (хотя и образованное по другой модели — с усечением основы) название жителей Обнинска *обнюки* (*обнюк*, *обнючка*) используется по преимуществу в самом Обнинске. Ср. три примера, первый из которых демонстрирует отчетливо инвективное употребление, а второй и третий — употребление без явных оценочных коннотаций.

Еще более злое название «обнюки». В нем намек на индюшачье высокомерие и на кое-что еще. Покойный Владимир Алексеевич Иванов, потрясающий знаток природы и истории Обнинска, использовал это название, описывая разговор двух не очень продвинутых горожан по поводу дачи известной меценатки М. К. Морозовой <...> путающих ее с Саввой Морозовым и еще с кем-то [Чеснов, 2013, 178–179];

Я бы пустил по-любому что-нибудь из фаст-фуда, чтоб обнюки и обнючки правлялись... (социальная сеть «ВКонтакте», 2008; обсуждение торгового комплекса в Обнинске);

Родилась и выросла в Обнинске. <...> Привет землякам! Нас тут три обнючки (Zhensovet.com, 2007).

Примечателен еще такой факт: информация о том, что глава администрации г. Обнинска в 1992–1994 гг. Ю. В. Кириллов, «будучи на своем посту, называл жителей города не иначе как “обнюками”», размещена на посвященной ему

странице на городском сайте Iobnnsk.ru наряду с разного рода сведениями о его деятельности.

4. Альтернативные катойконимы

Наконец, некоторые катойконимы могут предлагаться в качестве альтернативных для тех, которые уже существуют в языке, но по некоторым причинам не устраивают говорящих.

Ярким примером являются прилагательное *тартуанский* и катойконим *тартуанцы* (от *Тарту*), которые в 1960-е гг. вошли в узус интеллектуального круга, связанного с Тартуским университетом, как альтернативные по отношению к *тартуский*, *тартусцы*, представлявшимся неблагозвучными. К настоящему времени эти дериваты стали частью гуманитарного (прежде всего филологического) социолекта [см. подробнее: Ахметова, 2016].

Менее жизнеспособным оказалось название *тамбовяне*, созданное для решения проблемы, связанной с конкуренцией вариантов. По мнению сотрудника Тамбовского университета, кандидата философских наук М. И. Дробжева, в 2011 г. предложившего назвать жителей Тамбова *тамбовянами*, существующие названия *тамбовцы* и *тамбовчане* дискредитированы полемикой, ведущейся по их поводу в локальном сообществе не одно десятилетие (об этой полемике и ее отражении в городском фольклоре см. [Ахметова, 2015]). В газетной статье, где прозвучало это предложение, речь идет по преимуществу об именовании Тамбовской области *Тамбовией* вместо якобы неблагозвучной *Тамбовщины*. Как следствие, конкурирующие названия должны уступить место благозвучным и неконфликтным:

Название «Тамбовия» позволяет заменить и не совсем благозвучные именованья нас, обитателей этого края. Сейчас используются наименования «тамбовцы» и «тамбовчане». Спор о том, какое наименование правильное и лучше — «тамбовцы» или «тамбовчане», идет давно. Мне кажется, что оба хуже. В первом случае суффикс «овц» превращает нас в овец, во втором — суффикс «чан» вызывает ассоциации с чаном, с деревянной или металлической бочкой. С признанием названия «Тамбовия» на смену этим спорным названиям жителей приходят более приемлемые «тамбовяне», «тамбовянин», «тамбовянка». Нельзя не признать, что благозвучность названия вызывает дополнительное чувство любви и уважения к нашему краю, к самому себе («Тамбовская жизнь», 01.02.2011).

Статья Дробжева спровоцировала публикации, как правило, содержащие негативную реакцию, а опрошенные мною в 2013 г. жители Тамбова (преимущественно старшего возраста) выражали по поводу *тамбовян* как минимум скепсис. Однако нашлась категория населения, которая поддержала предложенный Дробжевым вариант, — это молодежь с высшим образованием, зачастую

имеющая отношение к журналистике¹¹. В тамбовском «Живом журнале» есть два пользователя, зарегистрированные под никами *tambovianin* и *tambovianka* (один из них журналист). Кроме того, систематически название *тамбовяне* употреблялось на новостном сайте *Protambov.ru*¹², хотя намного реже, чем *тамбовчане*, и порой вызывало отторжение читателей, ср. показательный фрагмент из комментария к новостной статье «Тамбовян приобщают к искусству» (26 июля 2013 г.):

Я хочу знать имя того «человекообразного», который из заметки в заметку упорно коверкает городские названия и порочит достоинство ТАМБОВЧАН!!! Все эти ваши непонятные «тамбовии» и «тамбовяне» — плод только вашего больного воображения, у себя на кухне вы можете называть себя хоть гоблинами. В данном случае ресурс зарегистрирован как СМИ (что фактически неверно. — М. А.), будьте любезны соблюдать нормы приличия и хотя бы изучить немного правила русского языка и сложившиеся устои. В противном случае — все эти заметки можно рассматривать как публичные оскорбления и будем вынуждены добиваться закрытия ресурса через суд и соответствующие органы с некими последствиями для вас. <...> Ссылки на «псевдонаучные» изыскания по поводу поисков нового названия области и жителей некими научными деятелями — не принимаются.

Попытка ввести название на страницы газет провалилась. В базе СМИ «Интегрум» *тамбовяне* встретились лишь дважды — в газете «Город на Цне» («С Днем студента, тамбовяне» — 30.01.2013; «огромное количество жалоб со стороны тамбовян» — 12.02.2013), в текстах одного автора — Александра Смолеева.

При этом новое название *тамбовяне* встраивается в аксиологическое измерение¹³. Например, упомянутый Смолеев разместил в своем блоге следующую запись:

¹¹ Анализ тамбовской блогосферы позволяет выявить, что по данным на 27 мая 2015 г. слово *тамбовяне* во вполне нейтральном контексте употребляли более 20 пользователей (пик употребления пришелся на 2011–2012 гг.), о 14 из них по анализу их профилей в социальных сетях можно сказать следующее: 1) муж., 1996 г. р., студент-математик (по данным на 2013 г.); 2) пол неизвестен, ок. 1972 г. р., образование высшее (авиационно-инженерное училище); 3) муж., ок. 1974 г. р., образование высшее (гуманитарное), работает в сфере связи; 4) пол неизвестен, ок. 1985 г. р., образование высшее (экономическое); 5) муж., 1990 г. р., образование высшее (юридическое); 6) муж., 1972 г. р., образование высшее, журналист (по данным на 2013 г.); 7) муж., ок. 1980 г. р., образование высшее (техническое), журналист, поэт; 8) муж., 1991 г. р., студент-журналист (по данным на 2013 г.); 9) муж., 1987 г. р., образование высшее (журналистское); 10) муж., ок. 1987 г. р., образование высшее (гуманитарное); 11) муж., ок. 1989 г. р., образование высшее (техническое), аспирант-историк, журналист; 12) муж., образование высшее (техническое), журналист; 13) муж., 1982 г. р., образование высшее или среднее специальное (музыкально-педагогический институт); 14) муж., 1985 г. р., образование высшее (гуманитарное), сотрудник администрации г. Тамбов.

¹² В настоящее время сайт закрыт, цитаты приводятся по данным на 2014 г.

¹³ По моим наблюдениям, дифференциация катойконимов в зависимости от их отношения к «коренным», «патриотичным» жителям vs. «некоренным», «непатриотичным» и т. д. в принципе характерна для локальных дискурсов о вариантных названиях жителей.

ТамбовЯНЕ поддержали Алексея Навального. Ждем реакции тамбовЧАН

Пока апатичные, безразличные почти ко всему тамбовчане сидели дома у своих телевизоров, возмущенные неадекватным приговором Алексею Навальному тамбовяне в небольшом количестве (увы, всего 30 человек) собрались в парке Петрова с целью обсудить произошедшее и наметить план дальнейших действий (LJ, 18.07.2013).

В личной переписке со мною (2013 г.) автор записи пояснил, что после публикации Дробжева представители «местной интернет-тусовки» начали именовать друг друга *тамбовянами*, а затем стали использовать это слово «в качестве противопоставления официальным “тамбовчанам”», а также употреблять название *Тамбовия* вместо *Тамбовщины*, ассоциирующей с нелюбимой властью. Что касается названия *тамбовцы*, то оно, по словам Смолеева, дискредитировано городской байкой о «потере» буквы *б* на лозунге «Тамбовцы, любите свой город!», размещенном на Областной библиотеке, — этот казус стал «поводом для смеха и многочисленных шуток»¹⁴.

Популярность названия *тамбовяне* продержалась около двух лет, и даже на ее пике катойконим оставался маргинальным. Однако данный случай является интересным примером того, как пытаются целенаправленно внедрить в узус искусственно сконструированное название.

* * *

Разнообразие моделей образования катойконимов, а также внимание локальных сообществ к их вариативности, обострившееся в XX в., обуславливает широкие возможности для конструирования новых вариантов, в том числе тех, чья функция выходит за пределы основной задачи этого пласта лексики — номинативной. В любом случае рассмотренные примеры показывают, что квалифицировать те или иные «маргинальные» катойконимы как пародийные или собственно номинативные можно лишь с учетом контекста их употребления.

Аксаков К. С. Несколько слов о нашем правописании // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 2. Ч. 1. М. : Тип. П. Бахметева, 1875. С. 391–406.

Ахметова М. В. Еще раз о суффиксе *-чане* (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 65–90.

Ахметова М. *-Овцы* vs. *-чаны*: языковая игра в полемике о названиях жителей Тамбова // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 120–140.

¹⁴ Благодарю Александра Смолеева за комментарии в переписке.

- Ахметова М. В. «Альтернативные» оттопонимические дериваты: *тартуанцы* и *тартуанский* // *Genius Loci* : сб. ст. в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова (отв. ред.). М. : Форум, 2016. С. 347–370.
- Б 1964 — *Словарь названий жителей (РСФСР)* : ок. 6 000 назв. / под ред. А. М. Бабкина. М. : Сов. энцикл., 1964.
- Березнеговский С.* Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии // *Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии*. 1913. Вып. 55. С. 17–34.
- Б. З. Кто живет в Омске? // *Новый мир*. 1957. № 9. С. 297–298.
- БЛ 1975 — *Словарь названий жителей СССР* : ок. 10 000 назв. / под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. М. : Рус. яз., 1975.
- Борух И. Г.* Попики-радикалы и епископ-украинец в Америке. Нью-Йорк : [б. и.], 1913.
- Воронцова Ю. Б.* *Словарь коллективных прозвищ*. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
- Гладков Ф.* О культуре речи // *Новый мир*. 1953. № 6. С. 231–238.
- Гордеева Н. Г.* Принципы построения «Словаря наименований жителей Кемеровской области» // *Актуальные проблемы диалектной лексикографии* : межвуз. сб. науч. тр. / ред. О. И. Блинова. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1989. С. 59–60.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М. : Наука, 1976.
- Грищенко А. И.* Между *русскими* и *россиянами*: современная русская публицистика в поисках новых этнических номинаций // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. «История, филология»*. 2012. Т. 11. Вып. 11 : Журналистика. С. 124–131.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 12 т. / сост. М. Коркунов и др. СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1872.
- Дорожкин Э.* Уездгородок // *Столица*. 1993. № 4. С. 36–38.
- Интегрум: [База данных СМИ] [Электронный ресурс]. URL: integrum.ru.
- Крысин Л. П.* Современная литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2. С. 5–17.
- Л 2000 — *Левашов Е. А.* Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей : словарь-справочник. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
- Левашов Е. А.* «Москвичи и иных мест люди...» Л. : Наука, 1968.
- Лозина-Лозинский М. А.* Систематический сборник разъяснений Правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. СПб. : Тип. А. Е. Ландау, 1902.
- Мемориал — ОБД «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html>.
- Никитина Т., Роголева Е.* Региональный словарь сленга. Псков и Псковская область. М. : ЭЛПИС, 2006.
- ПСРЛ 32 — Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмоитская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / отв. ред. Б. А. Рыбаков ; сост. и ред. тома Н. Н. Улащик. М. : Наука, 1975.
- Трубачев 1994 — *Русская ономастика и ономастика России* : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994.
- Успенский Л. В.* Слово о словах. Почему не иначе? М. : Дет. лит., 1971.
- Чеснов Я. В.* Философская антропология народной культуры. М. : Канон-плюс, 2013.
- Ширяев Б.* Прогулка по Москве // *Знамя России* (Нью-Йорк). Вып. 86. 17 мая 1953 г. С. 11–13.

Рукопись поступила в редакцию 27.04.2016

* * *

Ахметова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Центр прикладной урбанистики
Московская высшая школа социальных
и экономических наук,
старший научный сотрудник
Лаборатория теоретической фольклористики,
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
119571, Москва, пр. Вернадского, 82
E-mail: malinxi@rambler.ru

Akhmetova, Maria Vyacheslavovna

PhD
Researcher
Center for Applied Urban Studies, Moscow
School of Social and Economic Sciences
Senior Researcher
Laboratory of Theoretical Folklore Studies
School of Advanced Studies in the Humanities
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
82, Vernadski Ave., 119571 Moscow, Russia
E-mail: malinxi@rambler.ru

Maria V. Akhmetova

Moscow School of Social and Economic Sciences
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russia

**“MARGINAL” KATOIKONYMS:
FROM OCCASIONAL TO SYSTEMATIC PATTERNS**

The paper discusses peripheral, or “marginal” katoikonims (names of city inhabitants). Such names are formed either spontaneously, using productive formants, or following a pattern unusual for katoikonims, e.g. using wordplay (the way of name formation chiefly depends on the nominator’s intentions). Along with occasional katoikonims, whose use can be explained by the nominator’s ignorance of the traditional variants of names, the author distinguishes “marginal” names that are used systematically. The latter include: 1) jocular katoikonims used in jokes and anecdotes (e.g. *krivorozhitsa*, lit. <crook-faced female>, instead of *krivorozhanka* ‘female inhabitant of Krivoi Rog’) or for intentional jocular naming (e.g. *yaitsy*, similar to colloquial *yaitsy* ‘eggs’, instead of *yaichane* ‘inhabitants of Yaya’); 2) expressive katoikonims used both as exonyms and endonyms (e.g. *moskvachi* instead of *moskvichi* ‘inhabitants of Moscow’, *penziuki* instead of *penziaki* ‘inhabitants of Penza’); 3) katoikonims created as alternatives to those that already exist in usage (e.g. *tamboviane* instead of *tambovtsy*, *tambovchane* ‘inhabitants of Tambov’). The author shows that the same names, depending on the speech situation and the nominator’s intentions, can be either nonce words or regular jocular items; their nature can be detected only on the basis of contextual analysis.

Key words: Russian language, katoikonims of limited usage, mechanisms of nomination, occasionalisms, wordplay, name usage, word-formation.

Acknowledgements

This work is supported by the *Russian Science Foundation* (project number 16-18-00068 “Mythology and Ritual Behavior in a Modern Russian City”).

- Akhmetova, M. (2015). -*Ovtsy* vs. -*chany*: iazykovaia igra v polemike o nazvaniiax zhitelei Tambova [-*Ovtsy* vs. -*Chany* ("Sheep" vs. "Vats"): Wordplay in the Polemics about the Names of the Inhabitants of Tambov]. *Antropologicheskii forum*, 24, 120–140.
- Akhmetova, M. V. (2013). Eshche raz o suffixe -*chane* (istoriia odnoi polemiki) [Once Again about the Russian Suffix -*chane*]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 65–90.
- Akhmetova, M. V. (2016). "Al'ternativnye" otponimicheskie derivaty: *tartuantsy* i *tartuanskii* ["Alternative" Detonymic Derivatives: *Tartuantsy* i *Tartuanskii*]. In M. V. Akhmetova, N. V. Petrov, & O. B. Khristoforova (Eds.), *Genius Loci: Sbornik statei v chest' 75-letii S. Yu. Nekliudova* [Genius Loci: Festschrift in Honor of S. Yu. Nekliudov's 75th Anniversary] (pp. 347–370). Moscow: Forum.
- Aksakov, K. S. (1875). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 2., Part 1). Moscow: Tip. P. Bakhmet'eva.
- Babkin, A. M. (Ed.). (1964). *Slovar' nazvanii zhitelei (RSFSR): ok. 6 000 nazv.* [A Dictionary of the Names of Inhabitants of the RSFSR: About 6000 Names]. Moscow: Sov. entsikl.
- Babkin, A. M., & Levashova, E. A. (Eds.). (1975). *Slovar' nazvanii zhitelei SSSR: ok. 10 000 nazv.* [A Dictionary of the Names of Inhabitants of the RSFSR: About 10 000 Names]. Moscow: Rus. iaz.
- Bereznegovskii, S. (1913). Nekotorye istoricheskie i statisticheskie zamechaniia o Tambovskoi gubernii [Some Historical and Statistic Notes on Tambov Governorate]. *Izvestiia Tambovskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*, 55, 17–34.
- Borukh, I. G. (1913). *Popiki-radikaly i episkop-ukrainets v Ameritse* [Priests-Radicals and a Ukrainian Bishop in America]. New-York: [s. n.].
- B. Z. (1957). Kto zhiyet v Omske? [Who Lives in Omsk?]. *Novyi mir*, 9, 297–298.
- Chesnov, Ya. V. (2013). *Filosofskaia antropologiia narodnoi kul'tury* [Philosophical Anthropology of Folk Culture]. Moscow: Kanon-plus.
- Dorozhkin, E. (1993). Uezdgorodok [Uezd-town]. *Stolitsa*, 4, 36–38.
- Gladkov, F. (1953). O kul'ture rechi [On Speech Culture]. *Novyi mir*, 6, 231–238.
- Gordeeva, N. G. (1989). Printsipy postroeniia "Slovaria naimenovaniia zhitelei Kemerovskoi oblasti" [A Dictionary of the Names of Inhabitants of Kemerovo Region: Principles of Creation]. In O. I. Blinova (Ed.), *Aktual'nye problemy dialektnoi leksikografii* [Current Problems of Dialectal Lexicography] (pp. 59–60). Kemerovo: Izd-vo KemGU.
- Graudina, L. K., Itskovich, V. A., & Katlinskaia, L. P. (1976). *Grammaticheskaiia pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovaria variantov* [The Grammatical Correctness of Russian Speech: From the Experience of Creation of a Frequency Dictionary of Stylistic Variants]. Moscow: Nauka.
- Grishchenko, A. I. (2012). Mezhdru *russkimi* i *rossiianami*: sovremennaia russkaia publitsistika v poiskakh novykh etnicheskikh nominatsii [Between *Russkie* and *Rossiane*: Contemporary Russian Journalism in Search of New Ethnic Names]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Istoriia, filologiia"*, 11 (11), 124–131.
- Korkunov, M. et al. (Eds.). (1846–1872). *Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissiei* [Addenda to the Historical Annals Collected and Published by the Archaeographic Commission] (Vols. 1–12). Saint Petersburg: Tip. E. Pratsa.
- Krysin, L. P. (2007). Sovremennaia literaturnaia norma i sovremennaia rechevaia praktika [Contemporary Literary Norm and Contemporary Practice of Speech]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 5–17.
- Levashov, E. A. (1968). "Moskvichi i inykh mest liudi..." ["Moscowits and People of Other Places..."]. Leningrad: Nauka.
- Levashov, E. A. (2000). *Geograficheskie nazvaniia. Prilagatel'nye, obrazovannye ot nikh. Nazvaniia zhitelei: Slovar'-spravochnik* [Geographic Names. Adjectives Derived from These Names. Names of Inhabitants. A Reference Book]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Lozina-Lozinskii, M. A. (1902). *Sistematicheskii sbornik raz'iasnenii Pravitel'stvuiushchego Senata po delam o zhitel'stve evreev* [A Systematic Collection of Explanations of the Governing Senate on the Jews' Residence Issue]. Saint Petersburg: Tip. A. E. Landau.

- Nikitina, T., & Rogaleva, E. (2006). *Regional'nyi slovar' slenga. Pskov i Pskovskaia oblast'* [A Regional Dictionary of Slang. Pskov and Pskov Region]. Moscow: ELPIS.
- Rybakov, B. A., & Ulashchik, N. N. (Eds.). (1975). *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles] (Vol. 32). Moscow: Nauka.
- Shiriaev, B. (1953). Progulka po Moskve [A Walk across Moscow]. *Znamia Rossii*, 86, 11–13.
- Trubachev, O. N. (Ed.). (1994). *Russkaia onomastika i onomastika Rossii: Slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia: A Dictionary]. Moscow: Shkola-Press.
- Uspenskii, L. V. (1971). *Slovo o slovakh. Pochemu ne inache?* [A Word about Words. Why not in a Different Way?]. Moscow: Detskaia literatura.
- Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Received 27 April 2016